

№ 9 (74) сентябрь 2018 г.

ВСТРЕЧА

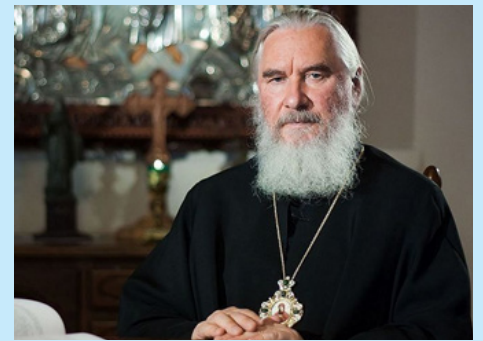
Вестник Местной православно религиозной организации приход в честь
Сретения Господня в г. Калуге Калужской Епархии Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

ЕСЛИ ЗАЖЕГ СВЕЧУ, НЕ ГАСИ ЕЕ

Что же, совсем не жить для себя и без конца помогать другим? Изобразить из себя такого Данко, который ради людей вырвал из груди собственное сердце, чтобы осветить путь другим?

В крайности впадать не стоит. Не нужно ставить себе грандиозные цели: например, с завтрашнего дня буду поститься по всем правилам и всем нуждающимся подавать милостыню, хоть бы и пришлось остаться без последнего рубля. Надо действовать по мере своих сил. Главное — действовать.

Если все станут так поступать, то каждому человеку будет хорошо: когда ему потребуется помощь других людей, ему непременно кто-нибудь поможет, руководствуясь теми же принципами. Однако нельзя ждать, когда мир опомнится и начнет поступать таким образом. Для нас важно не упустить собственное время жизни, провести его правильно.

Помню рассказ о том, как во время войны пожилая женщина тайно выхаживала раненого русского солдата или партизана. Вокруг немцы, а он лежит обессиленный, никак не поправляется. И была у той женщины курочка до того умная, что при немцах не квохтала, никак себя не проявляла, словно понимала, что надо соблюдать осторожность. В рассказе описывалось, как дорожила женщина своей единственной животинкой, которая веселила ее сердце и каждый день приносила хозяйке по яичку. А та нарадоваться на нее не могла, разговаривала с ней, гладила перышки, сама голодала, а курочке старалась найти хотя бы несколько крошек или зернышек.

И вот однажды утром раненый проснулся от необыкновенного аромата, исходившего от плошки с куриным супом. Ради его выздоровления хозяйка лишилась единственной курочки. Когда раненый потрясенно спросил, как же она решилась расстаться со своей любимицей, женщина ответила: «У меня тоже сын на фронте. Может, плохо ему сейчас. Может, как ты, лежит раненый, и дай-то Бог, чтобы кто-нибудь пожалел его, как я пожалела тебя». Это нормальный человеческий поступок. Подобные поступки надо начинать делать самому, а не ждать, пока тебе кто-то сделает нечто доброе. Ради чего? Ради достижения цели христианской жизни.

В христианстве главная цель — обретение Бога в своем сердце, достижение единой жизни со Христом.

Ею оправданы самоотверженность, доброделание даже наперекор своим желаниям и привязанностям, ограничение своих амбиций и прихотей, борьба с любимыми страстями. Впереди у нас вечная жизнь, и какой она будет, зависит от того, как мы живем сейчас, в данную минуту.

У коммунистов подобной высшей цели не было. Их идеология была приземленной: человек должен жить ради общества, потому что он строитель коммунизма. А образы Данко, Прометея и им подобные использовались коммунистической пропагандой в идеологических целях. Идея, что каждый человек должен приносить благо всему обществу, была скопирована коммунистической моралью с христианства. Лозунг «кто не работает, тот не ест» — перефразированные слова апостола (ср. 2 Фес. 3, 10).

Но коммунисты были атеистами и не учли поврежденности человеческой природы. Они полагали, что достаточно расстрелять тех, кого нельзя изменить, остальных перевоспитать, а молодежь вырастить в коммунистическом духе. Тогда все станут коммунистами и захотят работать на благо общества, и будет рай на земле.

Этот эксперимент потерпел полное фиаско, потому что все материальное подвергается разрушению. Так что смерть была неизбежным концом всех усилий. За порогом смерти, согласно коммунистической доктрине, было абсолютное небытие, полная аннигиляция. И это обесценивало все усилия.

Если все уничтожается, для чего трудиться? Не каждый член социалистического общества хотел жертвовать собой ради построения бессмысленного счастливого будущего. Хотелось пусть только здесь, на земле, но пожить для себя, для своего удовольствия. Ведь другой жизни никто не дарует.

В действительности это не так. Человеку надо не только стремиться к главной цели земной жизни, но и соблюдать принцип постепенности ее достижения. К богообщению надо идти пошагово: сначала оценить, в какой ситуации ты находишься, и исходя из этого двигаться вперед, учитывая свои силы, состояние, свое место.

Святой Климент Александрийский говорил, что упражнение сообщает здоровье и духу, и телу, поэтому, если зажег свечу, не гаси ее, упражняйся, чтобы она горела. Невозможно достичь цели без постоянного понуждения себя. Нельзя останавливаться — на это просто нет времени. Даже чтобы устоять на месте, надо проявить немалую активность. А в духовной жизни топтание на месте равно скатыванию вниз. Светить — это значит все время упражняться в заповедях Христовых.

**Митрополит Калужский и Боровский
Климент** Источник: [Вечерняя Москва](#)
14 января 2018 г.

БОРИС КОРЧЕВНИКОВ: А ПОТОМ Я УМЕР. НОЧЬЮ. ТИХО. ВО СНЕ.

Из детства я почти ничего не помнил. Только вот одно. Вечер, наверно, ночь. Я должен спать, а не сплю. Мы с мамой живем в однушке на метро Аэропорт. Моя часть комнаты – отгорожена стенкой – стенка из лакированного темно-коричневого шкафа. Когда его нижняя дверка чуть приоткрыта, то она отражает телевизор, который включен в маминой части комнаты. Мне смотреть телевизор нельзя, но чуть приоткрыв лакированную дверцу шкафа, я смотрю его отражение.

Ночь. Работает телевизор. У нас всегда работал телевизор. Я смотрю его отражение в чуть приоткрытой дверце.

А мама не смотрит, она здесь, у меня в половинке, за секретером. Пишет. Лампа освещает её лицо. Мама красивая, молодая. Она делает переводы с немецкого. Подрабатывает. Мы с ней вдвоем только. Папы у нас нет. Мама подрабатывает, чтобы меня кормить.

А больше из детства я ничего не помнил. Не знаю, почему.

Потом я стал взрослый. Взрослым я был много десятилетий. И никогда не вспоминал детство. У меня и детских фотографий не было особенно, а на телекамеру тогда не снимали. Хотя одна фотография была – лежала в ящике. На ней мне лет пять, наверно. Или четыре. Рубашка в бело-голубую клеточку. Челка пострижена ровно, но маминой рукой забрана в сторону – мама всегда мне поправляла челку. Открывала лоб. Всегда.

Это в каком-то ресторане. Мама много работала с немцами. И, когда они приезжали, мы ходили в ресторан. На фотографии я очень радостный. Передо мной тарелка. Я, задрав руки вверх, хлопаю в ладоши. Слева от меня какая-то немка – её я не помню. А справа – мама, она смотрит на меня немного строго.

После только один раз за всю длинную взрослую жизнь я спросил у мамы про эту фотографию. Что на ней? Почему она так строго на меня смотрит? Мама ответила, что я тут разошелся, меня забавляло, что мой немецкий сверстник не может понять моей простой фразы «Меня звать Боря. А тебя как?» И я повторял ее много-много раз. А он не понимал. Я говорил громко. На наш столик стали оборачиваться.

Это было очень давно. Это было так давно, что как будто бы этого не было. Я стал взрослый. И никогда не вспоминал ту комнату на метро Аэропорт.

А потом я умер. Не знаю, почему. Ночью, тихо. Во сне. С утра мы с женой собирались в «Ашан». А я умер. Не знаю, почему.

Сначала как будто ничего не поменялось. Потом длинный коридор со светом

– ослепительным светом в конце. Все так, как я про это читал, когда был живой. Я много про это читал.

Вот понесло по коридору. Страха совсем не было. Не знаю, почему. Хотя я был совсем один. Ангела-Хранителя я не видел. Хотя читал, что он должен быть рядом. Может и был, но я не видел.

Меня несло к свету. К Свету.

И все осветилось.

Свет стал комнатой. Просторной. С большим окном. Тихо. Выключенный телевизор, сложенный диван, чеканка на стене. Часть комнаты отгорожена шкафом. Прохожу в ту половинку. Маленькая кровать застелена ватным одеялом, сажусь на её край. Лакированный шкаф отражает меня. А нижняя дверка приоткрыта. И она отражает телевизор. Выключенный телевизор.

А потом я увидел его. За секретером. Ноги не доставали до пола. Рубашка в бело-голубую клеточку. И челка, забранная набок. Он сказал:

— Меня звать Боря. А тебя как?

— Боря.

— Я тебя ждал.

— Долго?

— Всю твою жизнь.

Из детства я почти ничего не помнил. Я почти ничего не помнил из времени, когда не было греха. Когда была только мама.

Я посмотрел на лакированную дверцу шкафа. Побежало отражение. Телевизор включился? Посмотреть на экран мне было нельзя – только на это отражение. Ясно-ясно, на лакированном квадрате бежало всё то, чего я... не сделал, когда был живой.

Тысячи «прости», которых я не сказал...

Я увидел себя храбрым – там, где в жизни струсил. Честным – там, где соврал. Чистым – там, где блудил. Любящим – там, где раздражился. Соболезнующим – там, где осудил. Простым – там, где рисовался. Промолчавшим – там, где слепо «отстаивал собственное Я». Щедрым – там, где искал своей выгоды. Лакированная дверца отражала людей, которых я хорошо помнил, которые жили рядом со мной. Которых я касался каждый день. И я увидел, что не знал их болей. Эти боли открылись мне только сейчас на этом экране. Я совсем не знал этих своих близких людей. Я совсем не интересовался ими.

Я увидел слабых, которым была нужна моя сила, но они её не получили. Тех, кого я мог спасти и не решился. Я увидел себя весёлым и легким – там, где был унылым и подавленным. Подавленным от того, что сам же делал в жизни. Или не делал...

Я увидел, как радуюсь за тех, кому

в жизни завидовал. Как искренне рад их успехам и победам.

Я увидел, как уступил в споре, в котором, пока жил, так и не уступил. Не знаю, почему. Я увидел, как не прошел мимо драки, влез, получил, но разнял – хотя в жизни я тогда опустил глаза и прибавил шагу.

Я увидел её – маму моих детей. И увидел, как она любила меня и молилась за меня. Как я мог привыкнуть к ней, как мог раздражаться на неё? Не принимать того, что и было больше всего её красотой? Как я мог так изуродовать наши отношения? Как я мог своими же руками порвать нашу связь, почти уничтожить семью? Куда меня несло? Зачем?...

Я увидел время, которое у меня в самом деле было, хотя казалось, что его никогда не хватает.

Я видел себя тем, кем я не сумел быть. Я видел себя мужественным, отцом, очень молодым, очень верным, очень сильным. Очень счастливым.

Я видел свою жизнь глазами того, кто её только начинал, кто когда-то смотрел в отражение этой лакированной дверцы – как в далекое будущее. Ведь «теле-визор» — это показывающий издали. Смотрел взглядом и сердцем, не знаящим греха, а значит и не знаящим беды. И не знаящим смерти. Разве могла иначе сложиться жизнь такого сердца?! Она могла быть только такой, какой её показывала дверца. Почему же на самом деле так не было?

Я посмотрел на него. На того, кто мне вручил себя. Кто мне поручил себя. Он сам не мог сделать того, чего хотела мама, когда ночами подрабатывала за этим секретером на то, чтобы он стал Человеком. Он поручил это мне. Что мне ответить теперь ему? Как я распорядился всем тем, что мне было отдано со всей нежностью, со всей его горячей верой и детской беззащитностью? Что я сотворил с тобой?! Что я сотворил со своей жизнью? Что я надеялся?

Я спросил:

— Как мне теперь быть?

Он спрыгнул со стула у секретера. Бежевые сандалии с расстегнутым ремешком зашаркали по паркету. Он подошел ко мне. И только изо всех своих детских сил обнял мою голову. Что он мог мне сказать? Он только вытирал мои слезы. Не давая ни одной упасть на пол. Он только ловил мои слезы. Детская рука гладила мои волосы. Я вжимался в него, задыхаясь от слез, не в силах выговорить беспомощное «прости, прости меня... прости меня, если сможешь, прости меня, пожалуйста»...

А потом всё осветилось.

Источник: <https://foma.ru/boris-korchevnikov-a-potom-ya-umer.html>

ДРЕВНИЕ КОРНИ МАТА

Русский матерный язык есть наследие языческий верований, как славянских, так и индоевропейских. Во времена магических цивилизаций древности главной задачей выживания в тех условиях являлось привлечение на свою сторону энергий темных сил – падших ангелов или бесов, которых было принято уважительно называть «богами». Этим мрачным творам строились величественные храмы и давались уважительные имена: Аполлон, Артемида, Перун, Велес, Осирис, Анубис, Ваал... В общем, «легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5, 9). Каждый стремился убажить этих «богов» жертвоприношениями и заручиться их помощью в различных непростых жизненных ситуациях.

Наиболее мощной энергией всегда обладал базовый инстинкт человека – инстинкт продолжения рода, и были соответствующие духи помощники, контролировавшие эту сферу человеческой жизни. Так называемые «фаллические культы», распространенные по всему древнему языческому миру, основывались на всемерном привлечении помощи «богов» через сексуальные оргии (вакханалии), храмовую проституцию, поправные стыда и целомудрия, плотскую вседозволенность и воспевание греха блуда. Этот механизм срабатывал безотказно, поскольку эти «боги помощники» подпитываются греховой энергией человека и, паразитируя на человеческих страстях, превращаются в мощный генератор мирового зла.

Те словосочетания, которые сейчас сохранились под названием «матерщина», использовались в этих обрядах и ритуалах как магические заклинания, как проверенное средство привлечения «нечистых духов». При этом надо подчеркнуть, что к этим силам обращались с осторожностью и нечасто. Как уверяют исследователи тех культов древности, «употреблять эти слова можно было лишь мужчинам и не чаще нескольких дней в году, после чего они были под строжайшим запретом».

Одним из важнейших предназначений этих слов в магических обрядах славянских народов было наведение порчи на врага, проклятие его рода. Недаром все эти слова так или иначе связаны с детородными органами мужчин и женщин и процессом воспроизводства. Так в анонимной болгарской хронике XIII–XV веков слово «изматерили» означает вовсе не «обругали», но именно «прокляли». Нынешние любители крепких выражений выглядят наивными детьми, плохо представляющими, чем, собственно, легкомысленно балуются и какие последствия навлекают на себя и на окружающих.

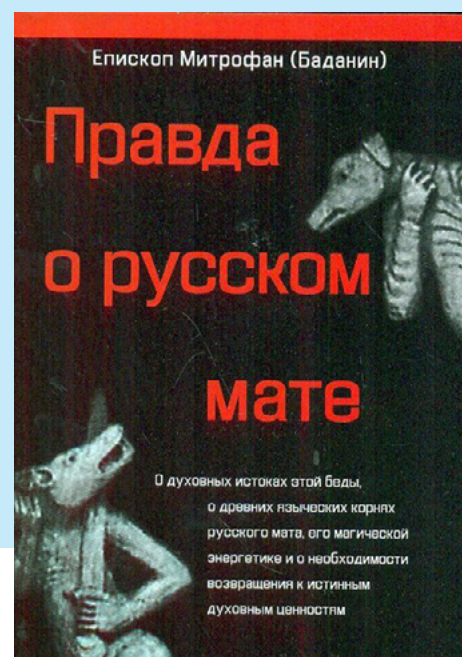
Как известно, принятие христианства на Руси положило конец «воспеванию» этой черной энергетики, этому служению силам тьмы. Важнейшей духовной задачей стало преодоление в людях прежних языческих законов нравственности, формирование христианской морали и введение табу на сакральную сексуальную лексику. В средневековой русской религиозной литературе эти «срамные» словосочетания справедливо называются «еллинскими», поскольку в христианстве под словом «еллины» подразумевались все народы, жившие в языческой духовной традиции и поклонявшиеся

идолам. При этом обряды этого поклонения во многом включали сексуальную лексику. Известно, что в христианской Руси это «кобелиное» непотребство образно и довольно точно именовали «собачьей лаей», или «лаей матерной».

Надо признать, что, несмотря на открытое и искреннее принятие русским народом Благовестия Христова, старые верования, по сути, в полной мере так и не были изжиты никогда. Можно даже сказать, что произошло некое слияние, приспособление старого, дохристианского, восприятия сакрального мира с новым христианским учением.

В указах царя Алексея Михайловича 1648 года указывается на недопустимость ритуального сквернословия в ходе свадебных обрядов, а именно «песен бесовских и срамных слов матерных и всякой неподобной лая». В постановлениях Стоглавого собора и указах Ивана Грозного середины XVI века также воспрещается вспоминать языческие обычаи и сходиться «в святочные и купальские дни» на «бесчинный говор и на бесовские песни».

Но, тем не менее, колдуны, ведуньи, знахари продолжали поддерживать в народе старую языческую духовность, и бытовая крестьянская магия полностью так и не была искоренена. Потому нет ничего удивительного, что те сакральные слова темных магических обрядов древности продолжали жить в памяти народа и временами прорывались в народном говоре. Сейчас отдельные защитники матерного слова любят ссылаться на берестяные грамоты древнего Новгорода XII–XIII веков, где была замечена так называемая obscene лексика (матерные слова). Но сразу заметим: из тысячи с лишним берестяных грамот, найденных археологами, эти

нечистые слова упомянуты только лишь в четырех. Учитывая многотысячелетний опыт языческой культуры на Руси, можно сказать, что это вполне объяснимо и совсем не много.

Если оценить по существу причины и поводы применения obscene лексики в берестяных грамотах, то, например, в первом случае – в грамоте из Новгорода № 330 – зафиксирована коротенькая шутка дразнилка, довольно глупая, где «эффект непристойности помножен на эффект абсурда». В грамоте из Старой Руссы № 35 после длинного серьезного текста в конце написано грубоватое шуточное приветствие брату – адресату послания. В грамоте из Новгорода № 955 некая сваха Милуша употребляет слова из того самого языческого заговора «на успех свадьбы» – «конкретное» пожелание жениху с невестой, что вовсе не является матерным поношением, как было с восторгом растиражировано многими СМИ.

В последней грамоте из Новгорода № 531, по сути, obscene слов вовсе нет. Здесь изложена просьба некоей Анны вступить за ее честь, поскольку ее «назвали „курвою“, а дочь ее б...». При этом надо сказать, что в те времена это слово (производное от слова «блуд») не было запрещенным (оно встречается и в церковнославянских текстах). Это нейтральное обозначение блудницы или проститутки. Публичное называние замужней женщины этим словом, согласно русскому праву, было тяжелым оскорблением чести и достоинства и влекло за собой серьезное наказание обидчика.

Пожертвования на восстановление храма в честь Сретения Господня на станции Тихонова Пустынь Вы можете внести как непосредственно в храме, так и перечислением через банк.

Наши реквизиты:

Местная православная религиозная организация приход в честь Сретения Господня в г. Калуге Калужской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

ИНН 4028990330, Отделение №8608 Сбербанка России г. Калуга, Р/сч 40703810522240004070, К/сч 3010181010000000612, БИК 042908612

ХРОНИКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СРЕТЕНСКОГО ХРАМА

За прошедшие месяцы 2018 года удалось сделать то, что еще недавно казалось невозможным (но у Бога ничего невозможного нет) – восстановлены межъярусные арочные перекрытия и оштукатурены наружные стены храма. О ходе этих работ мы сообщали в предыдущих выпусках ВСТРЕЧИ. В августе были выполнены основные работы по обустройству дренажной системы. Произошло еще несколько событий – заменены въездные ворота, с северной стороны храма установлена лестница, положено начало сооружению котельной, установлен лестничный пролет для пуска в нижний ярус храма, и, наконец, началась покраска оштукатуренных внешних стен.

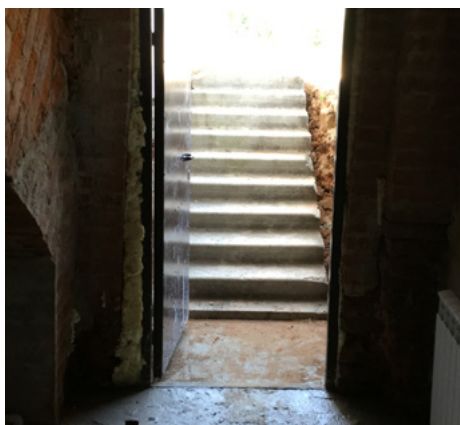
Обустройство дренажной системы

Новые въездные ворота

Установлен лестничный марш для спуска в нижний ярус храма

Установка плит – основы для сооружения котельной

Разместить в одном номере фотографии о всех событиях невозможно. Надеемся, что фоторепортаж октябрьского номера ВСТРЕЧИ будет посвящен окончанию работ по окраске внешних стен храма. Слава Богу за все!

Братья и сестры!

Так как газета содержит цитаты из Священного Писания, изображения икон и храмов, убедительно просим Вас после прочтения не использовать её в хозяйственных целях. Прочитав, передайте газету другому читателю или верните в храм.

Адрес редакции: г. Калуга, ст. Тихонова Пустынь, ул. Западная, д. 27. Священник - Евгений Левченков. тел.: 8 (910) 510-4691; Редактор – Бессонов А.В. тел.: 8(903) 513-5639; e-mail: abessonov@bk.ru; www.sretenie.su. Тираж: 900 экз. Цена свободная.